

О рефлексах праиндоевропейских долгих слоговых сонантов в латыни

В статье исследуются рефлексы долгих слоговых сонантов в латыни. Согласно традиционным представлениям, сочетания ${}^{\circ}\text{Rh}_1$, ${}^{\circ}\text{Rh}_2$, ${}^{\circ}\text{Rh}_3$ в латыни отражаются как $lā$, $rā$, $nā$, $tā$, при сокращении долгот – как al , ar , an , at . Однако существует значительное количество форм, которые на месте закономерных ${}^{\circ}\text{Rh}_1$, ${}^{\circ}\text{Rh}_2$, ${}^{\circ}\text{Rh}_3$ имеют не эти, а другие рефлексы. Они обычно объяснялись через аналогию. С. Г. Болотов на основании ряда примеров показал, что закономерными рефлексами также являются $lē$, $rē$, $nē$, $tē$ и $lī$, $rī$, $nī$, $tī$. В статье показывается, что это наблюдение верно, рассматриваются два новых возможных примера на $lī$ < ${}^{\circ}\text{H}$: $glīscō$ ‘постепенно увеличиваться, усиливаться; разгораться’ и $glīris$, $glīris$ ‘соня, *Sciurus glis*’. Также на основании таких слов, как лат. $glōs$, $glōris$ ‘золовка, сестра мужа’, $flōs$, $flōris$ ‘цветок’ и т.д. делается вывод, что еще одним рефлексом ${}^{\circ}\text{H}$ служит $Rō$. Соответственно, для латыни можно предположить следующую схему рефлексации долгих слоговых сонантов: и.-е. ${}^{\circ}\text{Rh}_1$ > лат. $Rī$, $Rē$, $Rā$; и.-е. ${}^{\circ}\text{Rh}_2$ > лат. $Rā$; и.-е. ${}^{\circ}\text{Rh}_3$ > лат. $Rō$, $Rā$.

Ключевые слова: праиндоевропейский язык, латинский язык, долгие слоговые сонанты, изменения по аналогии, параллельные рефлексы.

В науке принято считать, что праиндоевропейские долгие слоговые сонанты ${}^{\circ}\bar{l}$, ${}^{\circ}\bar{r}$, ${}^{\circ}\bar{n}$, ${}^{\circ}\bar{t}$ (${}^{\circ}\bar{\text{R}}$), являющиеся по своей сути сочетанием слогового сонанта с ларингалом, а именно ${}^{\circ}\text{Rh}_1$, ${}^{\circ}\text{Rh}_2$, ${}^{\circ}\text{Rh}_3$, в латыни отражаются как $lā$, $rā$, $nā$, $tā$; схематически можно изобразить подобный переход как ${}^{\circ}\text{CRHC} > CRāC$ (Schrijver 1991: 183; Sihler 1995: 102). На основании сравнения лат. $(g)nātus$ ‘сын’ с пелигнской формой $CNATOIS$ dat. pl. ‘рожденным; детям’ < ${}^{\circ}\text{g}n\text{h}_1$ -то переход ${}^{\circ}\text{CRHC} > CRāC$ реконструируется и для праиталийского состояния (Meiser 2017: 746).

У долгих сонантов есть также полученные при сокращении долгот рефлексы al , ar , an , at (Stolz 1894: 113–114; Болотов 2012: 90–92), признаваемые некоторыми исследователями и отвергаемые другими. Для простоты изложения я пока не буду касаться сокращенных рефлексов и сосредоточусь только на тех, которые содержат в латыни долгий гласный.

Собрав весь доступный материал, П. Схрейвер (Schrijver 1991: 173–184) счел наиболее убедительными следующие 11 примеров перехода ${}^{\circ}\text{CRHC} > CRāC$ (сохранена оригинальная нумерация примеров, принадлежащая автору книги):

3. *clāmare* ‘кричать’, *clārus* ‘ясный (изначально о звуках)’ < ${}^{\circ}\text{k}l\text{h}_1$ -*m*- и ${}^{\circ}\text{k}l\text{h}_1$ -*ro*-, производящий корень ${}^{\circ}\text{kleh}_1$ - ‘кричать’ (LIV²: 361–362);
5. *crābrō* ‘шершень’ < ${}^{\circ}\text{krHs}$ -(*rōn*);
10. *flāre* ‘дуть, веять’ < ${}^{\circ}\text{b}^{\text{h}}\text{l}\text{h}_1$ -, глагольный корень ${}^{\circ}\text{b}^{\text{h}}\text{leh}_1$ - ‘выть, завывать > дуть, веять’ (LIV²: 87);
13. *nāscō* ‘рождаться(ся)’ < ${}^{\circ}\text{g}n\text{h}_1$ -*ske/o*-, глагольный корень ${}^{\circ}\text{genh}_1$ - ‘рождаться(ся)’ (LIV²: 163–165);
14. *gnārūs* ‘сведущий; знакомый’ < ${}^{\circ}\text{g}n\text{h}_3$ -*ro*-, глагольный корень ${}^{\circ}\text{gneh}_3$ - ‘узнавать; знать (человека и т. п.)’ (LIV²: 168–170);
16. *grānūt* ‘зерно’ < ${}^{\circ}\text{grH}$ -*no*-;

17. *grātus* ‘приятный, милый; благодарный’ < *gʷ^herH-to-, глагольный корень *gʷerH- ‘выражать одобрение, почитание’ (LIV²: 210–211);
19. *lāna* ‘шерсть’ < *HulHn-eh₂;
20. *lātum* sup. от *ferō*, *ferre* ‘нести’ < *t^hl₂-to-, глагольный корень *telh₂- ‘поднимать’ (LIV²: 622–623);
23. *plānus* ‘плоский, ровный’ < *p^hlh₂-no-;
28. *strātus* ‘постланный’, part. pf. р. от *sternō* ‘стлать, расстилать; распространять’ < *st^hrh₃-to-, глагольный корень *sterh₃- ‘расстилать, расширять’ (LIV²: 599–600).

Также он перечисляет пять возможных (possible) примеров и еще 12 неясных (uncertain), из которых целесообразно привести только первые:

1. *clādes* ‘нечастье, бедствие, ущерб’ < *k^hlh₂d^heh₁-;
2. *clām* ‘тайно, тайком’ < *k^hlh₂-m;
15. *grāculus* ‘галка’ < *gr^hh₁- ?
21. *plācāre* ‘ успокаивать’ < *p^hlh₂k-;
26. *rādix* ‘корень’ < *w^ht(e)h₂d- (Schrijver 1991: 184).

Дальнейший разбор этих и некоторых подобных примеров с Rā можно найти в работах (Sihler 1995: 103–105; Болотов 2012: 85–90).

Необходимо сразу отметить, что в списке П. Схрейвера надежных примеров на переход *C^hh₁C > CRāC насчитывается всего три, хотя они и выглядят бесспорными (*clāmare*, *flāre* и *nāscō*), а случаев с переходом *C^hh₃C > CRāC всего два (*gnārus* и *strātus*).

При этом в латыни имеется значительное количество контрпримеров, т. е. форм, в которых с точки зрения морфологии ожидалось бы употребление нулевой ступени, но реальные рефлексы отличаются. Чаще всего они объясняются различными исследователями как исключения — рефлексы, полученные по аналогии (иногда во избежание омонимии с похожими формами).

Например, П. Схрейвер в главе, посвященной изучению рефлексов долгих слоговых сонантов, в небольшом разделе «1.3.3. Предполагаемый тройной рефлекс» разбирает три латинских примера — (g)nōscō ‘знакомиться, узнавать’ и (g)nōtus ‘известный, знакомый’; *plēnus* ‘полный’; и *sprētus*, part. pf. от *spermō*, -ere ‘отделять; отвергать’ (Schrijver 1991: 184). Следуя за М. Майрхофером, он объясняет (g)nō- в (g)nōtus как аналогическую полную ступень, взятую из перфекта или старого корневого аориста; ее появление при этом, по его мнению, скорее всего было обусловлено устраниением нежелательной омонимии с праформами *gnāskō ‘рождаться’ > лат. *nāscor* и *(g)nātus ‘рожденный’ > (g)nātus ‘сын’ (Mayrhofer 1987: 103; Schrijver 1991: 184). Соответственно, в *plēnus*, как считает исследователь, отражена не закономерная для этой формы нулевая ступень *p^hlh₁-; а аналогическая полная ступень *pleh₁-, вновь появляющаяся для устраниния омонимии с *plānus* ‘плоский, ровный’ (Schrijver 1991: 184). Наконец, *sprētus* получает свой вид вместо ожидаемого #sprātus < *spr^hh₁-to- уже по причине уподобления перфекту *sprēi* с целью большей унификации парадигмы (Schrijver 1991: 184).

Похожим образом проблему такого рода форм решает М. де Ван в «Этимологическом словаре латыни и других итальянских языков»: он объясняет практически так же и форму (g)nōtus, и форму *plēnus*, и причастие *sprētus* (Vaan 2008: 414, 473, 580).

Подобных слов на самом деле больше: например, от глагола *terō*, -ere ‘тереть’, который восходит к корню *terh₁- ‘тереть’, образуется причастие *trītus* ‘тертый’. Оно должно отражать *tr^hh₁-to-, однако, если признавать закономерным переходом *R^hH > Rā, стоило бы ожидать отражения этой праформы в виде #trātus. Поэтому Э. Зилер считает формы *trītus* ‘тертый’ и перфект *trīuī* неясными (Sihler 1995: 103), а П. Схрейвер предполагает для их трактовки наличие у этого корня немотивированного расширения *-i- (Schrijver 1991: 244–245); такое же мнение высказывается в (Vaan 2008: 616).

В статье «Троякое отражение индоевропейских долгих слоговых сонантов в латыни» С. Г. Болотов собрал подобные случаи и предложил альтернативную трактовку (Болотов 2012). Исследователь установил, что многие исключения относятся к одному морфологическому классу: это глаголы с V-корневыми перфектами на *-iī*, которые восходят к корням с конечным ларингалом и супин которых бывает как долгим, так и кратким: «количество гласного в *Sup.* зависит от двух факторов — морфологического (а именно, долгота сопоставлена *Prs.* с инхоативным *-sc-*) и фонетического (в самом деле, из не-инхоативов долготу имеют либо корни, традиционно относимые к классу содержащих **ʃ*, **ṛ*, **ṇ*, **ṭ*, либо такие, для которых придумываются различные морфологические ухищрения и многоступенчатые аналогические преобразования: группы 1 и 3)» (Болотов 2012: 92–94).

К группам 1 и 3 относятся такие глаголы, как *flēre* ‘плакать’ и *spernere* ‘отделять; отвергать’:

1) Inf. <i>flē-re</i>	Perf. <i>flē-iī</i>	<i>Sup. flē-tum</i>
3) Inf. <i>sper-n-e-re</i>	Perf. <i>sprē-iī</i>	<i>Sup. sprē-tum</i>

Полная таблица со всеми глаголами и их формами приводится в (Болотов 2012: 93–94).

В связи с этими наблюдениями исследователь предложил считать *Rī* и *Rē* такими же закономерными рефлексами сочетаний вида *RH, как *Rā*. Он приводит следующие примеры для латинских рефлексов долгих слоговых сонантов вида *Rē* (Болотов 2012: 96–99):

1. *flētum* (*Sup.*; *Perf. flēiī* от *fleō*, *flēre* ‘плакать’) < *b^hl₁-to-, ср. лит. *bilti*, -sta ‘говорить’;
2. *[dē-]lētum* (*Sup.*; *Perf. [dē-]lēiī* от *dēleō*, *dēlēre*) ‘уничтожать’ < *(s)tv^l-to-, ср. лит. *tv̄lti* ~ *svlti* ‘тлеть, поджариваться’;
3. *plēnus* ‘полный’ < *p^lh₁-no- наряду с *[com-] -plētum* (*Sup.*; *Perf. -plēiī* от *-pleō*, *-plēre* ‘наполнять’) < *p^lh₁-to-, ср. др.-инд. *r̄ȳnā-* ‘полный’;
4. *crētum* (*Sup.*; *Perf. crēiī* от *cernō*, *cernere* ‘разделять’) < *kr̄h₁-to-, ср. праслав. *č̄yr-t-a ‘черта’, первоначально ‘межа’;
5. *crētum* (*Sup.*; *Perf. crēiī* от *crēscere* ‘расти’) < *kr̄h₁-to-;
6. *crēber* ‘частый’ < *kr̄Hb^h-, ср. лит. *kirb(zd)ēti* ‘кишеть’;
7. *extrēmus* ‘крайний’ < *ēgs-tr̄h₂-mo- от корня *terh₂- ‘проходить, пересекать’ (LIV²: 633–634);
8. *frēnum* ‘уздечка, удила’ < *d^hṛHg^h-no-, ср. лит. *dirginti* ~ *dirgyti* ‘дергать, раздражать, возбуждать’, рус. *дергать*;
9. *frētus* ‘полагающийся, доверяющий’ < *d^hṛH-to-, ср. лит. *dīrti* ‘обдирать’.
10. *postrēmus* ‘последний’ < *post-r̄h₂mo-;
11. *sprētum* (*Sup.*; *Perf. sprēiī* от *spernō* ‘отделять; отвергать’) < *spr̄H-to-, ср. др.-инд. *spurāti* VI ‘отталкивать(ся) ногой’;
12. *strēna* ‘предзнаменование’ < *h₂str̄-h₂(s)n-eh₂, ср. *stēlla* ‘звезда’ < *stērlā;
13. *strēnius* ‘крепкий, сильный’; ‘бодрый; проворный; деятельный; беспокойный’ < *str̄H-no-, ср. лит. *stīrnas*, *stīrnūs* ‘твёрдый, жесткий, черствый; тугой, плотный; упругий, пружинистый’ и др.-инд. *sthirā-* ‘твёрдый, крепкий’;
14. *suprēm-us* ‘высший’ [? < *supr̄-h₂m-os];
15. *nētum* (*Sup.*; *Perf. nēiī* от *neō*, *nēre* ‘прядь’) < *nē-je-si < *snē- < *s̄ñ- (*s̄ñh₁-) ‘прядь’; *nētum* < *s̄ñh₁-to-. В настоящем времени может продолжать древний атематический пре-зенс *sneh₁-ti (Schrijver 1991: 403–404; LIV²: 572).

На рефлексы долгих слоговых сонантов вида *Rī* С. Г. Болотов находит такие примеры (Болотов 2012: 100–101):

1. *clītellae* < *clī-ter-l-āi ‘вьючное седло’ < *kl̄H-ter-leh₂-, ср. лит. *kilti* ‘подниматься, вставать; возвышаться’;

2. *crībrum* ‘сито, решето’ < *kr̥Hs-ro-, ср. греч. κρησέρα ‘сито (для просеивания муки)’ (Chantraine 1968–1980: II, 582d);
3. *crīnīs* ‘волосы’, ‘щупальцы’ < *kr̥Hs-ni-, ср. лит. širys (4) ‘щетина’; рус. *шерсть*;
4. *prīmus* ‘первый’ < *pr̥H-mo-, ср. скр. pūrvá-; лит. pūrmas первый;
5. *scrīnīum* ‘ящик, ларец (для бумаг)’ < *skr̥Hs-ni-, ср. лит. skirti, -ia, skýrē ‘раз-, выделять, отводить (место)’ с такими именными производными в балтийских языках, как лит. skīrnis (1) и skīr̥nis (2), skīr̥nys (4), -io m. ‘раздел, глава’; лтш. škiřst̥s [škīrst̥s²] ‘сундук, ларь’;
6. *trītum* (Sup.; Perf. trīū от ter-ō, -ere ‘тереть’) < *tr̥h₁-to-, ср. греч. τιτράω ~ ω, Аор. ἔτρησα ‘просверливаю’, τρητός ‘просверленный’ (Болотов 2012: 100–101).

Не все этимологии, приведенные С. Г. Болотовым, являются общепринятыми. Тем не менее, следующие 8 примеров бесспорны и консенсусны, для них исследователям приходится придумывать аналогические замены нулевой ступени полной и т. п.:

*Rē

1. *flētum* < *b^hl₁h₁-to- от *b^hleh₁;
3. *plēnus* < *pl₁h₁-no-;
4. ¹*crētum* < *kr̥h₁-to-;
5. ²*crētum* < *kr̥h₁-to-;
11. *sprētum* < *spr̥H-to-
15. *nēt-um* < *s₁nh₁-to;

*Rī

4. *prīmus* < *pr̥H-mo-;
6. *trītum* < *tr̥h₁-to-.

Здесь не может не броситься в глаза следующий факт: надежных случаев перехода сочетаний вида *Cr̥h₁C и *Cr̥h₃C в CRāC, которые были приведены выше, меньше, чем самых убедительных из собранных С. Г. Болотовым контрпримеров, то есть таких слов, в которых последовательность *Cr̥HС отражается каким-то иным образом, нежели CRāC. Более того, многие контрпримеры относятся к базисной и частотной лексике (достаточно упомянуть *plēnus* ‘полный’ и *prīmus* ‘первый’), а это само по себе снижает вероятность аналогического происхождения подобных слов и является дополнительным аргументом в пользу реконструкции С. Г. Болотова. И действительно, гораздо логичнее считать, что подобные случаи не вызваны различными аналогиями, а просто являются закономерными рефлексами, находящимися в до сих пор непонятном распределении с признаваемыми всеми рефлексами вида Rā; тогда целые классы одинаково устроенных форм получают единообразное толкование.

Представляется, что дополнительным аргументом в пользу правомерности рефлексов Rī и Rē могут служить другие убедительные этимологии, в том числе не связанные с группой глаголов, имеющих перфекты на -iī, ведь таких примеров, которые при этом консенсусно возводились к корням с ларингальным, в статье С. Г. Болотова практически нет, за исключением слова *prīmus* ‘первый’.

Я считаю, что есть еще как минимум два заслуживающих внимания возможных случая, где и.-е. *Rh₁- дает Rī.

1. Латинский глагол *glīscō* ‘постепенно увеличиваться, усиливаться; разгораться’ традиционно, еще со времени А. Фика сравнивался с др.-инд. *jrāyati* ‘расширяется, распространяется’ и такими формами, как др.-инд. *jrāyas-* ‘расстояние; протянутая поверхность’ и авест. *zrayah-* ‘море’ (Fick 1874: 78; Forsmann 2004).

Исходя из предположения, что рассматриваемый корень *glī-* можно теоретически возводить к праформе вида *GjH-, можно думать о реконструкции *gjH-skē/o- < *gelH-

‘Macht bekommen über’ (LIV²: 185–186). Когнатами латинского слова в таком случае будут служить арм. *kalum*, аор. *kalaw* ‘хватать’ (также супплетивный аорист к *unim* ‘иметь; хватать’), лит. *galìù, galéti* ‘мочь’.

С точки зрения семантики можно отметить, что изначальным значением глагола могло бы быть ‘овладевать, усиливаться’, и оно хорошо подходит к многочисленным контекстам с огнем, которые, как установил К. Мусси, являются практически самыми древними (Moussy 1975: 51–53).

2. Слово *glis, gliris* ‘соня, *Sciurus glis*’ сравнивалось с древнеиндийскими формами *giri-, girikā-* ‘мышь’, которые засвидетельствованы только в лексикографических источниках, а также похожими формами в иранских языках, ормури *gilak* и бахтиари *girza* ‘крыса’ (Schrijver 1991: 242–243; Mayrhofer 1956–1980: 336). При этом ормури *gilak* может восходить к праформе **g̥idaka-*, имя деятеля от ир. **grd-* ‘домогаться, желать’ (Ефимов 1985: 51; Ефимов 1986: 128). В любом случае, лат. *glis* однозначно связано с греч. *γαλέη* ‘ласка; куница’ (Beekes 2010: 257). В греческом можно напрямую реконструировать для *γαλέη* праформу **g̥lh₁-*, аналогично и для латыни можно восстанавливать **g̥lh₁-s*, а не **g̥lH-is*, как это делается в Schrijver 1991: 242 на основании сравнения с плохо документированным др.-инд. *giri-* ‘мышь’.

Реконструкция **g̥lh₁-s* к тому же не противоречит морфологии: в латыни и не только встречаются корневые имена с нулевой степенью, причем особо архаичные, ср. *cor, cordis* ‘сердце’ и т. д. В греческом же в *γαλέη*, выходит, наблюдается вторичная тематическая основа, заменившая древнее корневое имя.

Несмотря на то, что правомерность фонетического перехода **R̥H* > лат. *Rē* и *Rī* представляется на основании приведенных данных надежно обоснованной, неясным остается распределение рефлексов.

С. Г. Болотов приводит таблицу со следующим распределением (Болотов 2012: 92):

и.-е.	лат.
<i>*l̥₁, *r̥₁, *n̥₁, *m̥₁ < *l̥h₁, *r̥h₁, *n̥h₁, *m̥h₁</i>	<i>lī, rī, nī, mī</i>
<i>*l̥₂, *r̥₂, *n̥₂, *m̥₂ < *l̥h₂, *r̥h₂, *n̥h₂, *m̥h₂</i>	<i>lē, rē, nē, mē</i>
<i>*l̥₃, *r̥₃, *n̥₃, *m̥₃ < *l̥h₃, *r̥h₃, *n̥h₃, *m̥h₃</i>	<i>lā, rā, nā, mā</i>

Подобные выводы явно противоречат данным: очевидно, что надежные примеры как на *Rē*, так и на *Rī* восходят к праформам с первым ларингалом (*flētum* < **b^hl̥h₁-to-*; *plēnus* < **pl̥h₁-no-*; ¹*crētum* и ²*crētum* < **k^hl̥h₁-to-*; *prīmus* < **pr^hH-mo-*; *trītus* < **tr̥h₁-to-* и т. д.), а большая часть слов, содержащих *Rā* – к праформам со всеми тремя ларингалами (см. выше список, составленный П. Схрейвером). Это распределение заставляет думать о том, что у **R̥h₃-* мог бы быть еще один рефлекс.

Я полагаю, что есть три хороших примера, указывающих на возможность фонетического перехода **R̥h₃* > лат. *Rō*, который в таком случае параллелен переходу **R̥h₃* > греч. *Pō*.

1. Лат. *glōs, glōris* ‘золовка, сестра мужа’ родственно греч. *γαλόως* ‘золовка’, в котором, вероятно, корень *γαλό-* можно возводить напрямую к **g̥lh₃-*. Если это так, тогда и латинскую праформу для *glōs* допустимо реконструировать в виде **g̥lh₃-s*, что дает однозначное соответствие. Реконструкция **g̥lh₃-wo-* с суффиксом **-w-* находит подтверждение в ст.-слав. *зъльва* ‘золовка’ и арм. диал. *talw* наряду с формой *tal* ‘золовка’ (Martiroyan 2010: 596–597).

Даже в том случае, если исходная форма именно **γαλαφ-ος* < **g̥lh₂-ōw-(o)s*, как считает Р. Бекес на основании привлечения гlosсы Гезихия *γαλαός* (Beekes 1976: 13–15; Beekes 2010: 259), все равно *glōs* удачнее всего трактуется как **g̥l̥-s* (**g̥lH-s*), иначе, как отмечается в Schrijver 1991: 131 и в Beekes 2010: 259, неясно отсутствие в латыни ларингала —

при реконструкции $^{*}\text{g}lh_2\text{-}\bar{ow}$ -s ожидаемым рефлексом должен быть $\#galōs$. Но реконструкция с $^{*}h_3$ выглядит предпочтительной, поскольку опирается на более распространенную греческую форму.

2. Похожим по форме на *glōs*, *glōris* является лат. *flōs*, *flōris* ‘цветок’, родственное др.-англ. *blōwan* ‘цвести’ < прагерм. *blōan-*, гот. *blōman* ‘цветок’ < прагерм. **blōman-*; др.-ирл. *bláth*, ср.-валл. *blawd* ‘цветок’ (Kroonen 2013: 69–70). По данным германских и кельтских языков ясно, что необходимо реконструировать $^{*}b^hleh_3$ -, что делает возможной трактовку *flōs* как $^{*}b^h\text{lh}_3$ -s при признании закономерности фонетического перехода и.-е. $^{*}\text{l}h_3$ > лат. *lō*. И в данном случае подобная реконструкция предпочтительнее, потому что ожидаемый рефлекс $^{*}b^h\text{lh}_3\text{-}\bar{os}$ — а именно такую праформу вынуждены реконструировать для объяснения в этом слове *ō* — $\#falōs$ (Schrijver 1991: 131).

3. (*g*)*nōtum* (Sup.; Pf. (*g*)*nōi* от (*g*)*nōscō*, (*g*)*nōscere* ‘знакомиться, узнавать’), на мой взгляд, допустимо возводить напрямую к $^{*}\text{g}n\bar{h}_3$ -to, а соответствующий презенс — к $^{*}\text{g}n\bar{h}_3\text{-}\bar{s}ke$ /o-.

Для этого глагола непонятна имеющаяся вариативность с такими формами, как *gnārus* ‘сведущий, знающий; знакомый’, также не объясняется наличие сокращенных вариантов супина вроде *co-gnī-tum* < $^{*}\text{co-}\text{gnō-tum}$ (или $^{*}\text{co-}\text{gnā-tum}$). С другой стороны, при традиционной трактовке имеются ровно те же проблемы.

Также имеет смысл перечислить более сомнительные случаи.

Во-первых, к *glōs* и *flōs* может примыкать слово *mōs*, *mōris* ‘нрав, обычай’, если оно связано с греч. *μῶαι* ‘стремиться, добиваться’ (Walde 1938–1956: 115) или образовано от омонимичного корня вида $^{*}meh_3$ - с неизвестным значением.

Заслуживает внимания в этой связи и лат. *glōria* ‘слава’. Данное существительное не имеет убедительной этимологии (Walde 1938–1956: 609–610; Ernout & Meillet 2001: 277; Vaan 2008: 265–266). Предположение Ф. Рибеццо о диссимиляции из $^{*}grō-ria$ < $^{*}gnō-ria$ < $^{*}\text{g}neh_3$ -ro- представляется маловероятным ввиду существования *gnārus* ‘сведущий, знающий; знакомый’, в котором подобная диссимиляция не происходит (Ernout & Meillet 2001: 277). Можно думать о возведении этой лексемы к незасвидетельствованному $^{*}grōrus$ < $^{*}g^w\text{rh}_3$ -ro- или $^{*}grō-s$ - < $^{*}g^w\text{rh}_3$ -s- (?) от корня $^{*}g^w\text{erH}$ - ‘выражать одобрение, почитание’ (LIV²: 210–211), который должен в таком случае реконструироваться с третьим ларингальным. При принятии этой этимологии в латыни снова будет наблюдаться существование параллельных форм с рефлексом вида *Rā* и рефлексом вида *Rō*, аналогичное наличию этимологически связанных форм *nōscere* ‘знакомиться, узнавать’ и *gnārus* ‘сведущий, знающий; знакомый’, потому что есть лат. *grātus* ‘приятный, милый; благодарный’ < $^{*}g^w\text{rh}_3$ -to- ($^{*}g^w\text{erH}$ -to-), производное от того же корня.

Наконец, представляется крайне сомнительной с семантической точки зрения, но формально возможной деривация *plōrāre* ‘горько плакать, отчаянно рыдать’ от $^{*}p\text{l}h_3$ -го- < $^{*}pleh_3$ - ‘плить, течь’ (LIV²: 485).

Итак, для латыни можно предположить следующую схему рефлексации долгих слоговых сонантов:

и.-е.	лат.
$^{*}\text{l}h_1$, $^{*}\text{r}h_1$, $^{*}\text{nh}_1$, $^{*}\text{mh}_1$	<i>lī</i> , <i>rī</i> , <i>nī</i> , <i>mī</i> / <i>lē</i> , <i>rē</i> , <i>nē</i> , <i>mē</i> / <i>lā</i> , <i>rā</i> , <i>nā</i> , <i>mā</i>
$^{*}\text{l}h_2$, $^{*}\text{r}h_2$, $^{*}\text{nh}_2$, $^{*}\text{mh}_2$	<i>lā</i> , <i>rā</i> , <i>nā</i> , <i>mā</i>
$^{*}\text{l}h_3$, $^{*}\text{r}h_3$, $^{*}\text{nh}_3$, $^{*}\text{mh}_3$	<i>lō</i> , <i>rō</i> , <i>nō</i> , <i>mō</i> / <i>lā</i> , <i>rā</i> , <i>nā</i> , <i>mā</i>

Как уже говорилось в начале статьи, случаи с сокращенными рефлексами не учитываются. Дополнительные рефлексы и для них приводятся в работе С. Болотова (2014), но ситуация куда менее ясная.

Из таблицы следует, что имеются параллельные рефлексы; более того, при обращении к конкретному языковому материалу выясняется, что в латыни есть несколько дублетов вида *Rī, Rē, Rō / Rā*.

1. *flētum* (Sup.; Perf. *flēiū* от *fleō, flēre* ‘плакать’) < **b^hlh₁-to-* / *flātum* (Sup.; Perf. *flāiū* от *flō, flāre* ‘дуть, веять’) < **b^hlh₁-to-*.

Данные два слова признаются происходящими от одного корня в том числе в работах (Schrijver 1991: 402–403; LIV²: 87; Vaan 2008: 226–227); впрочем, М. де Ван рассматривает возможность разделения двух слов ввиду значительной семантической дистанции.

2. (*g*)*nōtus* ‘известный, знакомый’, (*g*)*nōtum* (Sup.; Pf. (*g*)*nōiī* от (*g*)*nōscō*, (*g*)*nōscere* ‘знакомиться, узнавать’) < **g^hnh₃-to-* / *gnārūs* ‘сведущий, знающий; знакомый’ < **g^hnh₃-ro-*.

3. *glōria* ‘слава’ < **grō-ria* < **g^wrh₃-ro-* или **grō-s-* < **g^wrh₃-s-* (?) от **g^werh₃-* ‘выражать одобрение, почитание’ / *grātūs* ‘приятный, милый; благодарный’ < **g^wrh₃-to-*.

На данном этапе причина такой параллельной рефлексации представляется загадочной. Очевидно, что какое-то фонетическое объяснение ему трудно предложить. Однако попытки ученых объяснить все формы, рассмотренные в этой статье и в работе Болотов 2012, аналогиями, морфологическими перестройками и различными специальными фонетическими правилами выглядят менее привлекательными.

Литература

- Болотов, С. Г. 2012. Троякое отражение долгих слоговых сонантов в латыни. *Индоевропейское языкоизнание и классическая филология XVI*: 84–107.
- Болотов, С. Г. 2014. Троякое отражение долгих сокращенных слоговых сонантов в латыни. *Индоевропейское языкоизнание и классическая филология XVIII*: 40–51.
- Ефимов, В. А. 1985. Ударение в языке ормури. *Иранское языкоизнание. Ежегодник-1981*: 31–64.
- Ефимов, В. А. 1986. *Язык ормури в синхронном и историческом освещении*. Москва: Наука.

References

- Beekes, Robert S. P. 2010. *Etymological dictionary of Greek*. Leiden/Boston: Brill.
- Bolotov, Sergei G. 2012. Trojakoje otrazhenie dolgix slogovyx sonantov v latyni. *Indoevropskoe jazykoznanie i klassicheskaja filologija XVI*: 1011–1019.
- Bolotov, Sergei G. 2014. Trojakoje otrazhenie dolgix sokraschennyx slogovyx sonantov v latyni. I. *Indoevropskoe jazykoznanie i klassicheskaja filologija XVIII*: 1011–1019.
- Chantraine, Pierre. 1968–1980. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots*. T. I–IV–2. Paris: Éd. Klincksieck.
- Efimov, V. A. 1986. *Jazyk ormuri v sinkhronnom i istoricheskem osveschenii*. Москва: Nauka.
- Efimov, V. A. 1985. Udarenije v jazyke ormuri. *Iranskoe jazykoznanie. Ezhegodnik-1981*: 31–64.
- Ernout, Alfred, Antoine Meillet. 2001. *Dictionnaire étymologique de la langue latine: Histoire des mots*. Retir. de la 4e éd. augm. d'add. et de corr. par Jacques André. Paris: Éd. Klincksieck.
- Fick, August. 1874. *Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen*. 3te umgearbeitete Auflage. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Forssmann, Bernhard. 2004. Vedisch *jri* und lateinisch *gliscere*. *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft* 68(1): 7–29.
- Kroonen, Guus. 2013. *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. Leiden / Boston: Brill.
- LIV² = Rix, Helmut et al. (eds.). 2001. *Lexicon der indogermanischen Verben*. 2nd ed. Wiesbaden: Reichert.
- Martirosyan, Hrach. 2010. *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*. Leiden: Brill.
- Mayrhofer, Manfred. 1956–1980. *Kurzgefasstes Etymologisches Wörterbuch des Altindischen*. 4 Bde. Heidelberg: Carl Winter.
- Mayrhofer, Manfred. 1987. Die Vertretung der indogermanischen Laryngale im Lateinischen. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 100: 86–108.

- Meiser, Gerhardt. 2017. The phonology of Italic. In: J. Klein, B. Joseph, M. Fritz (eds.) *Handbook of Comparative and Historical Indo-European Linguistics*: 743–751. Berlin / Boston: De Gruyter Mouton.
- Moussy, Claude. 1975. Le sens de *gliscō*. *Revue de Philologie* 49: 49–66.
- Sihler, Andrew L. 1995. *New Comparative Grammar of Greek and Latin*. Oxford University Press.
- Schrijver, Peter. 1991. *The reflexes of the PIE laryngeals in Latin*. Amsterdam/Atlanta: Rodopi.
- Stolz, Franz. 1894. *Historische Grammatik der lateinischen Sprache. 1 Bd.: Einleitung, Lautlehre, Stammbildungslehre. [1] Hälften: Einleitung und Lautlehre*. Leipzig: Trübner, 1894.
- de Vaan, Michiel. 2008. *Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages*. Leiden / Boston: Brill.
- Walde, Alois. 1938–1956. *lateinisches etymologisches Wörterbuch*. 3. neubearb. Aufl. von J. B. Hoffmann. Heidelberg: Carl Winter.

Artem A. Trofimov. On the reflexes of Proto-Indo-European long syllabic resonants in Latin

In this paper, I investigate the reflexes of long syllabic sonants in Latin. It is traditionally believed that the sequences *Rh_1 , *Rh_2 , *Rh_3 normally yield Latin reflexes *lā*, *rā*, *nā*, *mā*, but are reflected as *al*, *ar*, *an*, *am* in cases of length shortening. However, there are numerous proto-forms with *RH showing other reflexes. Researchers typically suggest that these cases are results of analogy; however, Sergei G. Bolotov, having analyzed these examples, has proven that *lē*, *rē*, *nē*, *mē* and *lī*, *rī*, *nī*, *mī* can also be considered regular reflexes. I provide additional evidence that this reconstruction is correct and consider two new examples for *lī* < *lH : *gliscō* ‘to swell; to increase; to grow in power’ and *glīs*, *glīris* ‘dormouse, *Sciurus glis*’. In addition, based on such words as Latin *glōs*, *glōris* ‘sister-in-law, husband’s sister’, *flōs*, *flōris* ‘flower’ etc., I conclude that there is one more reflex of *RH , namely *Rō*. Therefore, it is possible to reconstruct the following rules for the development of long syllabic sonants: PIE *Rh_1 > Latin *Rī*, *Rē*, *Rā*; PIE *Rh_2 > Latin *Rā*; PIE *Rh_3 > Latin *Rō*, *Rā*.

Keywords: Proto-Indo-European, Latin language, syllabic resonants, analogical developments, parallel reflexes.